

Dal Paleolitico al Genocidio Armeno

Ricerche su Caucaso e Asia Centrale

a cura di Aldo Ferrari, Erica Ianiro

Il canto di Alardy (Alardyjy zaræg)

Paolo Ognibene (Università di Bologna, Italia)

Abstract *Song of Alardy (Alardyjy zaræg)* is the name given to some ossetic texts in which the chief character is a personification of the smallpox. Smallpox was greatly feared in mountain villages because it caused many deaths. In fact, the Ossetians did not imagine that the diseases spread by contagion, and for this reason the sick person, instead of being isolated, had to take an active part in village and family life. The structure of all the Songs of Alardy is identical and the choice of adjectives testifies that Ossetians really feared Alardy.

Secondo il calendario tradizionale, nei villaggi dell'Ossezia, fra fine maggio ed inizio giugno si festeggiava Alardy.¹ Figura complessa, dal duplice aspetto, Alardy secondo gli Osseti inviava il vaiolo o proteggeva le persone dalla malattia. Nella percezione degli Osseti, infatti, non vi era l'idea del contagio. Curare l'ammalato era una procedura inutile, anzi dannosa: l'ammalato di vaiolo non andava isolato, doveva al contrario prendere parte attiva alla vita della comunità. I familiari, i vicini e gli amici erano costantemente accanto al suo letto, presso il quale si invocava Alardy e si pregava. Il malato era anche portato fuori e veniva nutrito con carne, uova fritte e fagioli. Unico strumento utile per combattere la malattia, oltre alle preghiere ad Alardy, era l'astensione dai rapporti sessuali per il capofamiglia e lo spargimento di letame sui campi. Ovviamente il vaiolo, tenuto conto anche di tutto ciò, provocava una gran quantità di vittime nei villaggi osseti ed era una delle malattie più temute. Proprio per questo motivo ogni villaggio aveva un albero sacro ad Alardy, al quale la gente non si avvicinava mai,² e spesso anche santuari veri e propri. I santuari

1 La festa per Alardy cade sempre nel giorno di lunedì, ma in alcuni villaggi si festeggiava in luglio o agosto ed in rari casi anche in febbraio-marzo.

2 Ad eccezione del giorno della festa di Alardy: «Под вечер на понедельник закалывают барашка, и мужчины пируют, а молодежь танцует всю ночь. Утром с пирогами и черепом барашка, ватой, шелковыми лоскутками или ниточками, положенными на эти пироги, отправляются к месту пребывания Аларды, к священному дереву. При приближении к святому месту развязываются и раскрываются приношения и приближаются с молением. Жрецы числом до 5, закладше здесь жертвенное животное, приобретенное на общественные средства, поджигают их здесь. Один из жрецов, выбранный по жребию, принимает приношения от женщин и возносит молитвы святому, причем

erano costruiti senza finestre, con la porta rivolta dalla parte opposta al villaggio. La festa di Alardy si svolgeva presso l'albero sacro o presso queste strutture, la più famosa delle quali si trovava a Zgid, nella gola di Alagir. Nel 1973 Ćibirov durante un sopralluogo a Zgid rinvenne nel santuario suppellettili di fabbricazione sovietica, testimonianza del fatto che il culto di Alardy non era stato estirpato nemmeno da cinquanta anni di Unione Sovietica (cfr. Ćibirov 1976, p. 149). Secondo quanto attesta Gatiev (1876, pp. 49 ss.) e riporta anche Miller: «le famiglie che si erano accordate di festeggiare assieme i giorni di Alardy preparavano ognuna una botte di birra ed *araq* in modo che potesse bastare per un mese intero ed uccidevano, inoltre, vicino al santuario a turno, una famiglia un toro, l'altra alcune pecore. Il banchetto iniziava al sorgere del sole e finiva al tramonto. In onore di Alardy si organizzavano corse e balli».³

La figura di Alardy ha attratto l'attenzione di molti studiosi e non sono pochi i lavori dedicati all'etimologia,⁴ ai possibili equivalenti presso altre

вотивные приношения (черепа, вата и шелковые нитки) он кладет на дерево. Женщины в белых платочках, собиравшие приношения, держась друг за друга, три раза обходят вокруг дерева, совершая обрядовый танец, кланяясь при совершении каждого круга дереву. Все другие женщины, собравшиеся на моление, тоже образуют второй круг и ходят в танце вокруг дерева, кланяются ему и поют песню в честь Аларды: Табу тебе делаем, светлый Аларды! || Табу тебе ради нашего ангела-покровителя! || Вот приближается белый Аларды, || Этих наших малышей поглаживая шелковым своим рукавом. По окончании пения женщины садятся пировать, а молодежь открывает в стороне танцы. Мужчины в пирушке участия не принимают. К дереву, кроме жрецов, детей и женщин, никому не разрешается подходить» (Albofov 1979, pp. 87-88).

3 «семейства, которые согласились вместе организовать дни Аларды, готовят по бочке пива и араку, которых хватило бы им на целый месяц, а также режут около капища поочередно – одно семейство – быка, другое – несколько штук овец. Пир начинается с восхода и оканчивается до захода солнца. В честь Аларды устраиваются скачки и пляски» (Miller 1882, p. 275).

4 «Название Alardy как и названия большинства осетинских дзуаров, несравненно моложе связанного с ним культа. По мнению Р. Штакельберга, разделяемому и нами, оно происходит от названия местности Алаверды в Кахетии с древним и весьма почитавшимся в Восточной Грузии храмом Иоанна Крестителя, где ежегодно в сентябре справлялось празднество, привлекавшее множество богомольцев, в том числе много больных, приезжавших в надежде получить исцеление от святого. В пользу происхождения Alardy из Алаверды говорит в особенности дигорская форма Alaurdi. Для переноса названия местности на название божества ср. хотя бы ос. Tætærtupp (название местности → название дзуара) или гр. Κύπρις Киприда. У осетин и грузин-мохевцев Дарьяльского ущелья праздник Alardy совпадает с днем Иоанна Крестителя, что позволяет думать, что именно на последнего были перенесены черты древнего божества, одновременно и насылающего болезнь и исцеляющего от нее. Известно, что в христианской народной традиции за Иоанном Крестителем закрепилась репутация святого-целителя, Типологическим двойком ос. Alardy является абх. Ақә Zəshan “бог оспы”» (Stackelberg 1888, pp. 417-418; Abaev 1958, pp. 43-44).

popolazioni del Caucaso,⁵ alle maledizioni contenenti il termine Alardy⁶ ed alla struttura della festa (cfr. Miller 1882, pp. 275-276; Čibirov 1976, pp. 147-151; Stackelberg 1900, pp. 47-71). Uno degli aspetti più interessanti della ricorrenza era però l'esecuzione del cosiddetto *Alardyjy zaræg* (il canto di Alardy) (cfr. Ognibene 2012a, pp. 220-223). Di questo testo ci sono giunte diverse varianti di seguito riportate:

Una preghiera ti rivolgiamo, luminoso Alardy! || Da grano cresciuto sui campi rivolti a sud un *k'iriag* per te || O, una preghiera, luminoso Alardy! || Da birra d'orzo cresciuto sui campi rivolti a nord birra per te || Che tu abbia una preghiera, luminoso Alardy! || Dal gregge di *Fælværa* un bianco agnello per te come *nyvond!* || Una preghiera ti rivolgiamo, dorato, alato, luminoso Alardy! || Da luppolo di ontano birra per te || Da argento egiziano il tuo *nysajnağ* || ovatta di Imeretia il tuo letto || O, una preghiera ti rivolgiamo, luminoso Alardy! || O, chi è debitore, fai che abbia salute per pagare || O, una preghiera ti rivolgiamo, luminoso Alardy! || Infatti dorate sono le tue ali!⁷

5 Cfr. Alborov 1979, pp. 52-141; si vedano anche le considerazioni di Čibirov: «Б.А. Алборов на достаточно аргументированной основе иллюстрирует сходство и общность божества оспы у осетин Аларды и популярного в прошлом верховного божества ингушей Гельерды», il quale ritiene però insufficientemente fondate le conclusioni: «он возводит осетинские Аларды, Елиа, Уацилла к ингушскому Гельерды, а последнего к шумеро-аккадийской или яфетической основе в значении бога-ерди, бога-огня, бога-солнца» (1976, p. 150).

6 «Аларды дæ адава, Аларды дын дæ цæст скъахæд, Аларды дæ гыбыны» (Chubecova 1977, pp. 68, 74); «Alardyjy fycçag fäu! Alardy dâ axässäd! Alardy dâ nuccäväd! Alardy dyn dâ raxiz gaguŷ iä täkkä byndzaräi fepparäd!» (Alborov 1979, p. 86).

7 Trad. italiana di Paolo Ognibene. Testo osseto trascritto da Miller, in grafia Sjögren-Miller: «Табу дәуән кәнәм, рухс Алардв, || Хуссарн мәнәуәи дә к'іріаг. || Уәи! Табу, рухс Алардв, || Цәгатв хорәи дә бәгәниаг. || Табу дvn фәуәд, рухс Алардв! || Фәлвәрај фосәи дvn урс уәрнҕк нвондаг! || Табу дvn кәнәм, свзг'әрин базврджн, рухс Алардв! || Фәрвн хумәлләгәи дә бәгәниаг, || Мисираг әвзист дә нвсаинаг, || Мереттаг бәмпәг дә әвәрән. || Әи! Табу, табу дvn кәнәм, рухс Алардв! || Уәи! Фидтијнаг чи у, удон дзәбәхәи бафидvn кәнаи. || Уәи! Табу, табу дvn кәнәм, рухс Алардв! || Свзг'әринәи ку ств дә базвртә!» (Miller 1881, pp. 102-105); testo osseto normalizzato: «Табу дәуәән кәнәәм, рухс Аларды! || Хуссары мәнәуәй дә чыриар || Уәй, табу, рухс Аларды! || Цәгаты хорәй дә бәгәниаг, || Табу дын фәуәд, рухс Аларды! || Фәлвәрајы фосәй дын урс уәрыкк нвондаг! || Табу дын кәнәәм сызгәерин базырджын, рухс Аларды! || Фәрвы хумәлләгәй дә бәгәниаг, || Мисираг әвзист дә нвсайнаг, || Мереттаг бәмпәг дә әвәрән. || Әй! Табу, табу дын кәнәәм, рухс Аларды! || Уәй! Фидтинаг чи у, уыбон дзәбәхәй бафидын кәнай, || Уәй! Табу, табу дын кәнәәм, рухс Аларды! || Сызгәеринәй куы сты дә базыртә!» (Miller 1998, p. 66); testo in traslitterazione: «Tabu dæwæn kænæm, rūxs Alardy! || Xūssary mænæwæj dæ k'iriag. || Wæj, tabu, rūxs Alardy! || Cægaty xoræg dæ bægæniag, || Tabu dyn fæwæd, rūxs Alardy! || Fælværajy fosæg dyn ūrs wærykk nyvondag! || Tabu dyn kænæm, syzğærin, bazyrgyn, rūxs Alardy! || Færvy xymællægæg dæ bægæniag, || Misirag ævzist dæ nysajnağ, || Merettag bæmpæg dæ æværen. || Eј! Tabu, tabu dyn kænæm, rūxs Alardy! || Wæj! Fidinag k'i ū, wydon zæbæxæg bafidyn kænaj, || Wæj! tabu, tabu dyn kænæm, rūxs Alardy, || Syzğærinæg k_y sty dæ bazyrtæ!».

Gloria a te buon Alardy! || Ci inchiniamo alla tua gloria; || Fra una mandria bianca, una pecora bianca || È la tua offerta, buon Alardy! || Da luppolo cresciuto su terra zappata, birra per te || Da grano cresciuto su terra da girasoli, *pirogi* per te || Ovatta di Erzurum per il tuo viaggio || Argento siriano a te in offerta, || Al posto di un'anima accetta, o Alardy, un toro bianco!⁸

Orsù, orsù per il glorioso, celebre, santo Alardy, || Oh, oh, santo Alardy || Lui, lui ci offre la sua bontà. || Più uniti, più uniti pellegrini || Non lascia venire, non lascia venire a noi... || La tremenda malattia || Ridendo, gioendo sopra le nostre teste... || Lui, lui rallegra i nostri cuori || Lontano, lontano || Se ne andrà, se ne andrà il santo Alardy || Laggiù, laggiù... || A lui, a lui... || Pregheremo, pregheremo || Da laggiù, da laggiù... || Col suo occhio destro... || Preserverà noi... || E le teste dei nostri animali. || Gloria al santo Alardy. || Innalziamo, innalziamo ancora una volta... || Al santo Alardy, gloria, gloria || Oh, oh, santo Alardy.⁹

Una preghiera, ancora una preghiera, o luminoso Alardy! || Una preghiera, una preghiera, o luminoso Alardy! || Una preghiera viene a te in cambio di un sacrificio || Il sacrificio viene a te in cambio di un'anima || Dai nostri montoni con le corna appuntite || Dai tori a striscia bianca || Dalle nostre capre a gambe dritte || Proprio questi sono infatti i tuoi sacrifici || Ecco a sud nel pascolo pulito || Proprio là cresce il tuo *k'irīag* || Ecco nel campo su un alto albero || cresce bene il tuo *x_oymiliag* || Ti preparano le *k'irītæ* ragazze pronte per andare spose || Sacrificano la tua vittima giovani pronti a prender moglie || Una preghiera, oh una preghiera luminoso Alardy! || Se scendi dal cielo in terra || I nostri bambini siano tuoi ospiti || Dalla tua diffusa e ossessiva malattia liberaci || Non procurarci del male.¹⁰

8 Trad. italiana di Paolo Ognibene. Traduzione russa secondo Miller 1882, pp. 275-276, come dal manoscritto di Gatuev: «Слава тебе светлый Аларды! || Славою тебе поклоняемся; || Среди белого стада белая овца - || Она твоя жертва, светлый Аларды! || Из ячменя, растущего на разрыхленной земле, тебе пиво || Из пшеницы, растущей на подсолнечной земле, тебе пироги || Эрзерумская вата по твоему пути, || Сирийское серебро тебе в приношение, || Вместо души, прими, Аларды, белого быка!». Il testo in osseto non è riportato.

9 Trad. italiana di Paolo Ognibene. Traduzione russa: «Ну, ну, славим, прославим св. Аларда. || Ай, ай, св. Аларда || Он, он дает нам милость свою. || Дружнее, дружнее, богомольцы. || Не допустит, не допустит к нам ... || злокачественную болезнь. || Смеясь, веселясь над головами нашими ... || Он, он возвеселит сердца наши. || Далеко, далеко || Уйдет, уйдет св. Аларды || Туда, туда ... || Будем ему, будем ему ... || Молиться, молиться. || Оттуда, оттуда ... || Правым своим оком ... || Будет охранять нас ... || И головы нашего скота. || Слава св. Аларде. || Воздадим, отдадим еще раз ... || Св. Аларде славу, славу, || Ай, ай, св. Аларда» (Gatiev 1876, p. 48; Alborov 1979, p. 91). Il testo in osseto non è riportato.

10 Trad. italiana di Paolo Ognibene. Testo osseto non normalizzato: «Tabu'mä, oj tabu ruxs Alardy! || Tabu, oj tabu, ruxs Alardy! || Tabu dyn kuy cäuy nyvondy bästy. || Nyvond dyn

Ecco che scende dal cielo || Il dorato Alardy || Ci benedice. || Viene da noi giocando || E ci lascia sorridenti || Dorato, rosso Alardy! || Luppolo per la birra da tutte le colline || Dal grano migliore una focaccia sottile a te in offerta, || Un agnellino dall'orecchio giallo a te come sacrificio || I nostri bambini non si ammaleranno || O dorato, rosso Alardy! || quando scende dal cielo || Dorato, rosso Alardy, || Incontro a lui esce Maria || Innanzi a lui stende una pelliccia di capra || Al dorato, rosso Alardy. || Tu scendi sulla terra, rosso Alardy; || Che i miei bambini non si ammalino || E da te protetti || O dorato, o rosso Alardy! || Quando Alardy ritornava indietro || La sua strada era di ovatta || E la sedia d'oro.¹¹

Il canto di Alardy (Alardyjy zaræg) testimonia bene la forte preoccupazione per il vaiolo presente nei villaggi osseti: non comprendendo le ragioni del contagio e della malattia, nei villaggi di alta montagna, spesso isolati durante l'inverno per interi mesi, lontano dalle grandi città e dai centri di cultura del Caucaso, la malattia veniva personificata nel «luminoso Alardy» (rûxs Alardy). Alardy portava la malattia o preservava dal contagio. Anche in caso di morte del malato, parenti ed amici non potevano piangere per il defunto: era la volontà di Alardy. Allo stesso modo non si poteva piangere per la persona colpita da un fulmine, nell'immaginario collettivo inviato da Wacilla (cfr. Ognibene 2012a, pp. 124-129; Ognibene 2006, pp.

kuy çäuy udy bästy: || Nä näl fystän, uäd, se'ngur sytä, || Uängütän ta se'xsyr rähtä, || Nä näl säntän ta se'sqäl zängtä, || Jä uydon kuy sty da nyvondägtä. || Uärtä xussary Çhylyxolon xuymy || Ja uym kuy zajy dä çhiriag || Dälä bydyry harzond hälasyl || Xorz kuy zajy dä xuymiliag || Dä çhirigändžytä - cyndzdzon çydzžytä || Usgur läppütä - dä kusartgändžytä. || Tabu'mä, oj tabu, ruxs Alardy! || Arväj zäxmä kuy yrcäuaj || Nä sabitä ja uäd de'uazäg || Dä gyn, dä sonäj na baqaqan || Udy xaramy ma bacu». Traduzione russa: «Табу, еще раз табу, о светлый Аларды! || Табу идет тебе взамен жертвы. || Жертва тебе ведь идет взамен души: || Из наших баранов круторогие, || Из бычков же молочно-хребетные (белополосые) || Из наших козлов же прямоногие (здоровые) || Они-то ведь есть твои жертвы. || Вот на юге на чистой (безнавозной) пашне, || Там-то именно растет твой чьириаг (жертвенное хлебное зерно), || Вот в поле на высоком дереве || Хорошо ведь растет твоё хумилиаг (жертвенное пиво). || Твои пирогоделатели - готовые в невесты девушки, || Женихи-парни - твою жертву резатели. || Табу, ой табу, светлый Аларды! || С неба на землю если снизойдешь, || Наши малыши тогда пусть будут твои гости. || От своей повальной болезни и наводнения избавь нас, || Не причини душевной боли» (Alborov 1979, pp. 92-93).

11 Trad. italiana di Paolo Ognibene. Traduzione russa: «Вот с неба спускающийся || Золотой Аларды || Благословит нас. || Он придет к нам играя || И оставит нас смеющимися. || Золотой, красный Аларды! || Хмель для пива на всех холмах, || Из лучших зерен тонкий лаваш тебе в приношение, || Ягненок с желтым ухом тебе в жертву; || Наши дети будут невосприимчивы (после болезни), || О, золотой, красный Аларды! || Навстречу к нему выходит Мария, || Шубу из козьего пуха перед ним расстилает, || Золотому, красному Аларды. || Ты спускаешься на землю, красный Аларды; || Мои дети да будут невосприимчивы || И покровительствуемы тобой, || О, золотой, о красный Аларды! || Когда Аларды возвращался (обратно), || По вате была его дорога, || А сиденье золотое» (Çursin 1925, p. 226; Alborov 1979, p. 100). Il testo in osseto non è riportato.

87-96). Anche la peste era personificata in Jemina. Chiunque parlasse con lui o lo lasciasse entrare in casa si ammalava immediatamente.¹²

La figura di Alardy, così come quella di Jemina e tante altre, è sopravvissuta alla cristianizzazione dell'Alania nel X secolo ed è giunta fino al Novecento (cfr. Ognibene 2012b, pp. 65-92). Spesso il processo di avvicinamento al cristianesimo ha portato nel Caucaso Centrale a curiose forme di sincretismo religioso ben attestate e studiate.

12 In particolare per Jemina si veda il racconto riportato in Miller 1882, pp. 283-284: «Давно, неизвестно когда, шла на Стур-дигор холера (по записке о. Гатуева jemina - чума). В это время один из фамилии Хоймановых, по имени Гими (по записке о. Гатуева - Гими был сумасшедший), шел вниз по чернолесью и ему повстречалась холера в образе человека. Гими узнал ее и спросил, куда она идет. Она сказала, что идет в дом Гими Хойманова. Тогда Гими вернулся другим путем домой, велел запереть двери, заложить все щели в дом и никого не пускать. В доме Гими была молодая жена, которой обычай не позволял говорить громко. Когда Иемина постучалась, женщина, не зная ничего и не смея никого спросить, отворила дверь и Иемина вошла, обратилась в пар и заразила всех присутствовавших. Тогда Гими выбежал наружу и закричал, что у него в доме Иемина. Услышав это, жители аула разбежались (Записка г. Туккаева рассказывает несколько иначе: Гими Хойманов, увидав холеру, поспешал домой и сказал своим: холера идет к нам, не отвечаете ей ничего, если она заговорит с вами. Холера явилась, но Хоймановы действительно не заговорили с ней. За это она прокляла их: живите одной семьей, да не будет у вас двух семейств! Сказав это, она пришла к Гациевым и те, не узнав ее, заговорили с ней. С того дня Гациевы стали умирать; их было 28 душ и все умерли. После этого стали умирать и другие семьи стурдигорцев, и чтобы спастись от холеры все покинули свои дома и разбрелись в разные стороны. Но холера преследовала их всюду и спаслись только те, которые избрали Газандону, не зная к которому дзуару прибегнуть за помощью, к Уаскерджи или Идауегу. Некто Байтемирко Куркгасов предложил следующее гадание. Он взял лук и стрелу и сказал: я пущу стрелу, и если она полетит к Идауегу, то он будет нашим защитником, если же к Уаскерджи, то он нам поможет. Стрела попала в священный ящик Идауега и все поспешили расположиться около этого дзуара. Иемина не мог приблизиться к ним, потому что Идауег его не допускал. Иемина принимал вид облачка, но Идауег разгонял его. Затем Иемина покатила на них в виде клубка горящей лучины с противоположной горы, но Идауег пустил в него стрелу и раздробил его на три части. Одна часть покатила к Билагу и там догорела, другая на восток, к Асинта и там превратилась в пепел, а третий кусок дерева остался на месте и был положен в ящике Идауега, где он хранился до последнего времени. В память избавления аула от Иемина установлен праздник (Записка г. Туккаева содержит следующий вариант: холера старалась пробраться к Газандоне в виде волка; но вдруг неизвестно откуда явилось сто собак, которые не подпустили его. Тогда она приняла вид обрубка соснового дерева, который в ярком пламени приближался к толпе. Он был уже не далеко, как из горной теснины пробилась река Урук, которой прежде не было, и в нее скатился обрубок. Таким образом холера погибла и из всего селения спаслись только те, которые заняли Газандону. Когда холера миновала, один из жителей, Байтемур, сказал: станем делать кувд избавителю своему и назовем его Идауегом, а праздник Фацбаденом)». Traduzione italiana in Ognibene 2004, pp. 257-258.

Bibliografia

- Abaev, Vasilij Ivanovič (1949). *Osetinskij jazyk i fol'klor*. Moskva; Leningrad: Akademija Nauk.
- Abaev, Vasilij Ivanovič (1958). *Istoriko-étimologičeskij slovar' osetinsko-go jazyka*, vol. 1. Moskva; Leningrad: Akademija Nauk.
- Abaev, Vasilij Ivanovič (1973). *Istoriko-étimologičeskij slovar' osetinsko-go jazyka*, vol. 2. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie.
- Abaev, Vasilij Ivanovič (1979). *Istoriko-étimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka*, vol. 3. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie.
- Abaev, Vasilij Ivanovič (1989). *Istoriko-étimologičeskij slovar' osetinsko-go jazyka*, vol. 4. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie.
- Alborov, Boris Andreevič (1979). *Nekotorye voprosy osetinskoj filologii*. Ordžonikidze: Ir.
- Chubecova, Z.R. (1977). «Osetinskie kljatvennye formuly». *Voprosy osetinskogo jazykoznanija*, t. 32, pp. 63-86.
- Čibirov, Ljudvig Aleksevič (1976). *Narodnyj zemledel'českij kalendar' osetin*. Cchinvali: Iryston.
- Čursin, Grigorij Filippovič (1925). «Osetiny, Étnografičeskij očerk». *Trudy Zakavkazskoj naučnoj asociacii*, 1, sr. 1, *Materialy po izučeniju Gruzii*, pp. 214-260.
- Gatiev, Boris Petrovič (Totyrovič) (1876). «Sueverija i predrassudki u osetin». *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcach*, 9 (2), pp. 1-83.
- Miller, Vsevolod Fedorovič (1881). *Osetinskie Étjudy*, č. 1, *Osetinskie teksty*. Moskva: Tip. byvš. Th. B. Millera. Učenyje zapiski Imperatorskogo moskovskogo universiteta. Otdel istoriko-filologičeskij, 1.
- Miller, Vsevolod Fedorovič (1882). *Osetinskie Étjudy*, č. 2, *Issledovanija*. Moskva: Tip. A. Ivanova (byvš. Millera). Učenyje zapiski Imperatorskogo moskovskogo universiteta. Otdel istoriko-filologičeskij, 2.
- Miller, Vsevolod Fedorovič (1998). *Irystony xæxty*. Vladikavkaz: Alanija.
- Ognibene, Paolo (2004). *Feste e calendari degli Osseti*. Milano: Mimesis. Simorg.
- Ognibene, Paolo (2006). «Wacilla e Wastyrgý: due 'santi' osseti poco cristiani: Note sulla penetrazione del cristianesimo nell'Alania Medioevale». In: Burrini, G. (et al.) (a cura di), *I prescelti di Dio: I Santi e l'esperienza della santità*. Rimini: Il cerchio, pp. 87-96. Avallon, 55.
- Ognibene, Paolo (2012a). *Studi sul folclore ossetico*. Milano; Udine: Mimesis. Indo-Iranica et Orientalia, Series Lazur, 7.
- Ognibene, Paolo (2012b). *Alani. 1: La 'riscoperta', il nome, l'Alania medioevale*. Milano; Udine: Mimesis. Indo-Iranica et Orientalia, Series Lazur, 5.
- von Stackelberg, Reinhold (1888). «Ossetica». *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*, 42, pp. 416-420.
- von Stackelberg, Reinhold (1900). «Glavnye čerty v narodnoj religii ose-

tin». *Trudy étnografičeskogo oddela*, t. 14. Jubilejnyj sbornik v čest' V.F. Millera. *Izvestija Obščestva ljubitelej estestvoznanija, antropologii i étnografii. Sostojašč. pri Moskovskom universitete*, t. 97, pp. 47-71.